

Ислам в «Русском мире»: случаи Татарстана и Чечни

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 383
Август 2015

Александра Яцык
Казанский федеральный университет

Татарстан и Чечня – две республики Российской Федерации, чье встраивание в концепцию «Русского мира», артикулирующую объединение по крови, а не по территории, как выразился в 2015 году Владимир Путин на митинге, посвященном годовщине «воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Россией», связано с различными стратегиями разыгрывания «мусульманской» карты. Для данных регионов лояльность федеральному центру может быть выражена либо через интенсификацию межрегиональных мусульманских связей, либо через артикуляцию собственной братской связи с Русским миром.

«Посредник» и «пехотинец»

Татарстан последовательно придерживается первого сценария, со времен чеченских войн играя роль посредника между «Востоком» и «Западом», между «мусульманами» и «православными», а в 2014 году - при «убеждении» крымских татар мирно войти в состав Российской Федерации.

Риторика, сопровождавшая многочисленные поездки президента Татарстана Рустама Минниханова в Крым, завершившиеся в итоге подписанием 18 марта 2014 года договора о сотрудничестве между Всемирным конгрессом татар и меджлисом крымско-татарского народа, опиралась на два ключевых элемента: артикулирование братских уз двух народов и приложение мирного опыта развития Татарстана в составе России к Крыму. Искусственность первого иллюстрирует тот тезис, что казанские татары и крымские татары являются разными этническими группами. При этом, несмотря на то, что «менталитет» последних, по словам советника муфтия ДУМ Москвы Ильдара Сафаргалеева, «ввиду депортации, схож с чеченским», лидер Чечни не был выбран Кремлем на роль миротворца. Фактически вариант «чеченского брата» как активного защитника «восточных рубежей страны», «личного пехотинца Путина», как неоднократно называл себя Рамзан Кадыров, не был уместен в ситуации желательного для Кремля консенсусного диалога с крымскотатарским населением полуострова.

Кадыров, таким образом, следовал другому сценарию встраивания в гегемонный биополитический российский нарратив: одновременно декларируя необходимость

следования строгим канонам шариата в республике и демонстрируя готовность защищать Русский мир за пределами страны. Примерами могут быть его многочисленные высказывания в пользу соблюдения мусульманских традиционных законов (в частности – о многоженстве) и недавние слова о его приобщении к Пророку через переливание крови его потомка. Вторая стратегия – милитаризированный патриотизм, который Кадыров активно проявлял на Востоке Украины, посылая туда военизированные группировки высококлассных чеченских специалистов, о чем подробно упоминается в докладе Бориса Немцова «Путин.Война». Исламский и этнический компонент идентичности чеченских спецназовцев не мог быть здесь артикулирован – в силу незаконности данной операции, – однако Кадыров охотно говорил о них, выкладывая в своем аккаунте в Instagram фотографии победителей – чеченцев мировых соревнований среди специальных подразделений.

Разные республики, разные версии

Взаимоотношения Татарстана и Чечни как в Москве, так и друг с другом также могут быть по-разному поняты в контексте политизации и секьюритизации, несмотря на то, что в дискурсивном российском пространстве оба лидера мусульманских республик РФ часто появляются вместе – в рейтинге наиболее эффективных губернаторов 2014 года, в ТОП-500 самых влиятельных мусульман мира 2014 года, в листе самых активных пользователей Instagram.

Стратегию Татарстана здесь можно определить как следование идеям евроислама, который активно продвигает казанский историк Рафаэль Хакимов. Особенность евроислама, по мнению Хакимова, состоит в следовании более светским, нежели религиозным, целям. Центральную роль в нем отводится образованию и либеральной экономике, а роль татар как ее проводников подчеркивается особенно. В этом смысле татарский ислам отделяется от северокавказского «собрата», который представляется местным интеллектуалам гораздо более традиционным в силу того, что эта версия религии была более закрыта от контактов с немусульманскими народами. Идея Хакимова о татарах как авангардных агентах формирования исламского мира и конкуренции их с православием вполне может быть понята как альтернатива идее Русского мира.

Экономическая составляющая концепции евроислама, несмотря на ее критику, очевидна и в брендинге Татарстана, представленного таким событиями, как Казанский Международный саммит исламского бизнеса и финансов KAZANSUMMIT, участие Рустама Минниханова как центрального эксперта в группе стратегического видения «Россия – Исламский мир», или принятие Казанью крупных спортивных мега-событий – Универсиады - 2013 и Чемпионата водных видов спорта – 2015.

Постполитический характер действий Казани в достижении консенсуса в сфере политики ислама также содержит в себе импликации безопасности. В частности, нынешний верховный муфтий Татарстана Камиль Самигуллин, в отличие от его предшественника Ильдуса Файзова, в большей степени исповедует концепцию «мягкой силы» в отношении построения диалога с полурадикальными исламистами республики, что не нравится руководству Татарстана. «Новая газета» нынешнего года пишет о том, что его

нерешительность в борьбе с радикалами противоречит политике «умиротворения», реализуемой властями Татарстана.

В этом смысле Кадыров, демонстрируя свою лояльность Москве, не просто интенсифицирует, но и приватизирует контроль за теми версиями ислама в республике, которые, по его мнению, не вписываются в текущий курс Кремля. В обмен на гарантии о том, что современная Чечня является «единственным местом в мировом сообществе, где побежден терроризм» и «самым безопасным и самым прозрачным регионом на территории Российской Федерации», глава Чечни требует полный карт-бланш на действия на «своей» территории. Показателен здесь пример этого года, когда он, будучи главой региона, заявил, что все действия федеральной службы безопасности страны должны быть согласованы с ним. Правозащитный центр «Мемориал» в своем докладе 2013 года о методах работы с бандитскими формированиями в Чечне также упоминает о чрезвычайной закрытости республики, и о ее полном переходе, в отличие от прошлых лет, на позицию «жесткой силы» в работе с боевиками.

Политическая составляющая позиционирования Татарстана внутри российского государства и Русского мира, таким образом, состоит в концептуальном развитии идеи исламского мира, которая зиждется на интегрированности татарской идентичности в различные культурные контексты. По словам муфтия Татарстана Равиля Гайнутдина, особенности национальной татарской традиции - в культурном посредничестве, в способности быть «переводчиками» между тюркским и славянским миром. Исламский мир – это мир мусульман, которые не принадлежат только определенному государству. Вопрос о том, как «сочетать принадлежность Российскому государству и к мировой умме, всемирному братству мусульман без границ каких-то отдельных государств», это вопрос «терпения» и способности учиться жить с немусульманами.

Основная задача Чечни в этом направлении – не раскрыть, а удержать границы исламского «мира» в республике, что реализуется через принуждение и контроль.

И та и другая стратегия, тем не менее, содержат в себе скрытые ресурсы политизации и автономизации и определяют содержание и контуры татарстанской и чеченской идентичностей в ближайшем будущем.